

Приручить смерть

Александра Кранц

18+

Александра Кранц

Приручить смерть

<https://litres.ru/74669673>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Некрополисе музыка звучит не для живых — но именно она решает, кому суждено умереть.

Каждое утро дирижёр Абаддон-Холла получает конверт с именами. Бесы играют, и где-то в человеческом мире обрываются жизни. Таков порядок, которому он служит уже много лет.

Но однажды в старом зеркале появляется девушка, за которой ему хочется наблюдать снова и снова. Чем больше он узнаёт о ней, тем труднее ему оставаться лишь исполнителем чужой воли.

А в Абаддон-Холле кто-то уже заметил перемены.

Александра Кранц

Приручить смерть

Глава первая

Он проснулся в тот же час, что и всегда.

Будильника в доме не было. Да и нужды в нём — тоже. Тело само знало, когда пора подняться: оно помнило этот час лучше, чем собственное имя.

Он сел на кровати и некоторое время не двигался. В темноте дом тихо потрескивал. Камень остывал за ночь, и от стен тянуло сыростью. Где-то в глубине здания раздался короткий скрежет — будто кто-то провёл ногтем по внутренней стороне двери.

Он не прислушивался. За сотни лет научился отличать звуки, которые что-то означали, от тех, которым не следовало придавать значения.

Опустив ноги на каменный пол, он поморщился. Холод впился в ступни. Карион зажёл лампу и вышел из комнаты. Стекло у неё было треснувшим, фитиль чадил, а свет дрожал, словно боялся задерживаться в этом доме. Но другого света здесь не водилось.

В столовой уже лежал конверт.

Он остановился на пороге.

Каждую ночь конверт появлялся на столе. Никто не знал как. Никто не видел, кто его приносит. Никогда не слыша-

лось шагов, никогда не скрипела дверь. Просто утром послание было на месте — ровно посередине стола. Аккуратное, без единой складки, будто его положила рука, привыкшая к безупречному порядку.

Порой ему казалось, что конверт ждёт не его, а того мгновения, когда он наконец посмотрит на него.

Сегодня он не стал задерживать взгляд. Прошёл мимо, надел чёрный костюм и вернулся в столовую. Только тогда взял конверт.

Бумага была прохладной. Он повертел её в пальцах, прикидывая толщину содержимого.

От этого зависела длина рабочего дня.

Он убрал конверт в карман брюк и вышел из дома.

Дорога до Абаддон-холла занимала пятнадцать минут. Это было хорошо. Здесь всё вокруг казалось продолжением одной и той же унылой картины, и дольше идти по ней не хотелось.

Земля растрескалась под ногами. Из разломов тянулся едкий серный пар. Он поднимался ленивыми клубами, обвинял камни и расползался по воздуху, оставляя после себя запах тухлых яиц и чего-то ещё — древнего, тяжёлого, словно сама земля слишком долго держала это внутри.

Горизонт горел грязным янтарно-красным. Солнца здесь не было. Вместо него небо затянули маслянистые облака чёрного дыма, пепла и копоты. Они клубились без ветра, сливаясь в огромную неподвижную рану.

Иногда с неба падали серые хлопья. Они медленно кружились, словно не могли решить, куда им осесть. Один лёг на рукав Кариона. Он стряхнул его пальцем. Пепел рассыпался под ногтем сухой, почти нежной пылью.

Через несколько шагов на рукав опустился новый.

Он больше не стряхивал его.

Впереди показались острые обсидиановые пики. Они вздымались над землёй, похожие на зубы, вырастающие из чёрной челюсти. Между ними темнел Абаддон-холл — филармония, где каждый день звучала музыка, которой никто из живых не должен был слышать.

Здание было огромным и гладким, будто его высекли из цельной глыбы. Ни окон, ни украшений. Только чёрные стены, поднимавшиеся к небу, и тяжёлые двери, за которыми начиналась работа.

Внутри пахло серой, старым камнем и пылью. Под этими запахами прятался ещё один — тонкий, едва уловимый. Страх.

Здесь боялись его.

Карион давно привык. Привык настолько, что иногда забывал, каким был этот зал до того, как страх поселился в нём вместе с музыкантами.

В полумраке мелькали маленькие фигурки. Завидев хозяина, они поспешили к своим местам. Кто-то споткнулся, кто-то толкнул соседа, а один так запутался в собственном хвосте, что завалился набок и покатился по полу, отчаянно

цепляясь копытами за камень.

Остальные обошли его, не останавливаясь.

Так происходило каждое утро. Все суетились, будто опоздание могло навлечь на них особое наказание. Он знал: они боялись не опоздать. Они боялись, что он заметит их страх.

Он замечал.

Просто не всегда считал нужным показывать.

Поднявшись на помост, он прошёл к пульту и хлопнул в ладоши. По залу вспыхнули свечи. Их огни затрепетали, будто кто-то невидимый выдохнул на фитили. Свет растёкся по стенам, не разгоняя тьму, а лишь заставляя её отступить на несколько шагов.

Карион оглядел музыкантов.

Все на месте. Его маленькие помощники.

Морды с приплюснутыми, похожими на свиные пяточки носами; тусклые глаза, в которых вспыхивали красные искры; копыта, оставлявшие на камне скрежущие следы; тонкие крысиные хвосты, дёргавшиеся за спинами. Они были уродливы — каждый по-своему. И каждый старался выглядеть так, будто именно его уродство должно было произвести особое впечатление.

Один бес сидел у колонны и радостно махал хвостом, заведя дирижёра. В его оскаленной морде было что-то почти щенячье.

Карион посмотрел на него.

Бес замахал быстрее.

— Не дождёшься, — сказал дирижёр.

Бес опустил уши, но хвост всё равно продолжил ходить из стороны в сторону.

В дальнем углу двое уже сцепились. Они враждовали с тех пор, как одного за провинность сняли с ударных, а его место отдали соседу. Обделённый бес, похоже, считал, что лучше лишиться глаза, чем смириться с этим решением.

Один вцепился другому в руку. Второй ответил ударом копыта. Началась возня: визг, рычание, глухой стук о камень. Хвосты хлестали воздух. Вскоре вокруг собрались зрители — кто-то подбадривал драчунов, кто-то просто следил, надеясь, что дело дойдёт до крови.

Дирижёр посмотрел на них.

Раз. Два.

— Хватит.

Голос прозвучал негромко. Бесы не отреагировали. Или сделали вид, что не слышали.

Он поднял руку и щёлкнул пальцами.

Щелчок был тихим — но драка оборвалась мгновенно. Один бес замер, вцепившись сопернику в шею. Другой сжимал ему ухо. Оба неподвижно смотрели на дирижёра, будто надеялись, что он не успел заметить, чем именно они занимались.

— Отпустили друг друга, — приказал он. — И заняли свои места.

Они разжали лапы. Поднялись и поспешили к инструмен-

там, прижав уши и поджав хвосты. Зрители разбежались ещё быстрее.

Дирижёр не стал смотреть им вслед. Такие сцены повторялись каждое утро. Одни и те же обиды, одна и та же ярость, одни и те же маленькие предательства. Даже в аду бесам требовалось чем-то занимать себя между смертями.

Он достал конверт и вскрыл его.

На плотном белом бланке стояли имена. Аккуратные строки, ровный почерк. Ни помарок, ни пояснений. Смерть никогда не объясняла своих решений.

Дирижёр пробежал список глазами.

Три имени.

Он перечитал их, задерживаясь на каждом ровно столько, сколько требовалось, чтобы запомнить. Не больше.

— Три, — тихо произнёс он.

Короткий день.

Он убрал бланк на пульт и поднял палочку.

Бесы замерли. В зале стало так тихо, что слышно было, как в подсвечниках потрескивает воск. Даже воздух будто перестал двигаться.

Дирижёр выдержал паузу.

Потом взмахнул рукой.

Первая нота прозвучала тихо и протяжно — как вздох того, кто уже понял, что помощи не будет.

Музыка покатилась через зал. Прошла сквозь каменные стены, выскользнула из Абаддон-холла и потянулась к горо-

ду. Не гремела и не ревела. Шептала.

Она проходила сквозь камень и дерево, стекло и металл. Скользила сквозь стены человеческих домов, проникала под одежду, под кожу, туда, где билось сердце. Живые не слышали её — ни ушами, ни мыслью. Только тот, кому она предназначалась, мог уловить её последний шёпот.

И те, кто уже стоял по ту сторону.

Где-то в мире людей человек из списка пил кофе. Возможно, смотрел в телефон. Целовал жену перед уходом или проверял, закрыта ли дверь. Обычное утро. Обыкновенные движения, которые он совершал сотни раз, не замечая их.

Он не знал, что его час пробил.

Может быть, на прощание он сказал:

«Я вернусь поздно».

Или:

«Не забудь позвонить врачу».

А может, просто бросил через плечо:

«Пока».

И не знал, что это слово больше не повторится.

Дирижёр вёл оркестр ровными движениями. Взмах — вдох. Поворот кисти — пауза. Рука опускается — ещё одна жизнь обрывается где-то далеко отсюда.

Он играл спокойно, без гнева и без наслаждения. Так работает палач, который давно перестал смотреть в лицо приговорённому.

Он не был Смертью.

Он лишь исполнял её волю.

Глава вторая

— Ну всё, закончили. Ребята, вы, как всегда, молодцы, — похвалил он своих ручных бесов.

Голос звучал ровно, почти ласково. Бесы зашевелились, затопали копытами, заулыбались слишком широко. Они принимали похвалу так, словно им только что пообещали награду.

Карион направился к выходу. За спиной послышался знакомый шум: драка возобновилась. Один из бесов вцепился другому в морду и рвал зубами всё, до чего мог дотянуться. Его противник отбивался копытами. Остальные возбуждённо загалдели и начали смыкать круг.

Никто не позвал дирижёра. Никто и не ждал, что он вернётся.

— Только не испачкайте пол, — бросил он через плечо. Кто-то хохотнул. Драка стала громче.

Он вышел, и двери Абаддон-холла тяжело сомкнулись за его спиной.

Дома его встретила тишина. Не та, что стояла в зале перед началом музыки, — напряжённая, послушная. Эта тишина была пустой. Она ждала, пока он наполнит её хоть чем-нибудь.

Он снял костюм, разгладил складку на рукаве и повесил его на спинку стула. Потом остановился перед зеркалом.

На него смотрело лицо, неподвижное и чужое. В нём не

было ни ярости, ни садизма — только пугающее спокойствие. В глазах чернела глубина старого колодца, на дне которого отражался конец всего живого.

Он давно перестал всматриваться в это лицо. Оно не менялось сотни лет. Время словно обходило его стороной — или не знало, за что зацепиться.

Его природа подчинялась не прихотям, а безжалостному закону увядания. Он никуда не спешил. Мог годами заражать земли мором, насылать засуху, сеять раздоры и ждать, пока последствия дозреют. Время всегда играло на него.

«Всё, что имеет начало, имеет конец».

Он называл это своим девизом. Не потому, что верил в него. Просто это была единственная правда, которую видел каждый день. Единственная, что ни разу его не подвела.

Он поднял руку и коснулся зеркала.

Холод стекла пробрался под кожу. Потом зеркало чуть потеплело — будто узнало его. Отражение дрогнуло, пошло рябью и начало растворяться. Лицо исчезло первым; за ним — плечи, руки, тень комнаты. На мгновение в стекле не осталось ничего, кроме мутной серой глубины.

А затем проступил чужой мир.

Двое стариков медленно катили тележку по супермаркету. Они спорили о цене чего-то, лежавшего в корзине, и то и дело оглядывались на полки. Мужчина сердито постукивал пальцем по ценнику. Женщина качала головой, но не отпустила его руку.

Обычная жизнь. Обычная старость.

Он скользнул ладонью по стеклу. Картинка сменилась.

Два мальчика мучили рыжего котёнка. Тот вырывался, царапал им пальцы и жалобно мяукал. Один мальчик рассмеялся. Второй оглянулся, проверяя, не видит ли их кто-нибудь.

Карион ухмыльнулся.

Дети всегда были его любимым зрелищем. В них ещё не было притворства — только чистая, необработанная жестокость. Они делали то, чего хотели, и пока не научились называть это чем-то другим.

Он провёл пальцем по зеркалу, стирая изображение.

Кадр сменялся кадром. Незнакомые комнаты, улицы, лица. Чьи-то ссоры за закрытыми дверями, чьи-то тихие ужины, чьи-то бессонные ночи. Люди жили, не подозревая, что их можно увидеть. Не подозревая, что за ними наблюдают.

Затем появилась она.

Девушка лет двадцати пяти сидела на диване, поджав под себя ноги. Волосы собрала в небрежный пучок; несколько прядей выбились и упали на лицо. Она не стала убирать их. Только сдула, когда они помешали.

Перед ней стоял ноутбук. Экран отбрасывал бледный свет на её щёки и переносицу. Она смотрела в него, не двигаясь, и хмурилась.

Карион знал это выражение. Усталость — не телесную, а ту, что проступает, когда слишком долго делаешь то, во что

больше не веришь. Или никогда не верил.

Девушка вздохнула, закрыла ноутбук и откинулась на спинку дивана. В комнате стало темнее.

— Ну и зачем я это делаю? — спросила она.

Она произнесла это тихо, почти неразборчиво. Не обращая ни к кому — просто хотела услышать собственный голос.

Карион не ответил.

Не мог.

Она поднялась и подошла к окну. За ним сгущался вечер. Люди возвращались домой: кто-то смеялся, кто-то ругался по телефону, кто-то стоял у подъезда с сигаретой и смотрел в никуда.

Девушка долго следила за ними. Потом отвернулась, будто увидела что-то, чего не хотела видеть.

Он смотрел на неё. Долго.

И думал о том, что она красивая.

Не той красотой, которую замечают сразу. Другой — медленной, почти незаметной. Она проступала в том, как девушка хмурилась, пытаясь сосредоточиться; как сдувала с лица выбившуюся прядь; как разговаривала сама с собой, уверенная, что её никто не слышит.

Он наблюдал за ней уже несколько лет. Каждый вечер.

Знал, что она пьёт чай, а не кофе. Что засыпает поздно, но всё равно встаёт рано. Что любит дождь и не любит ветер. Знал, что она пишет: статьи, заметки, может быть, кни-

гу. Знал, как долго может сидеть перед пустой страницей, не прикасаясь к клавиатуре. Знал, как стирает написанное и начинает заново.

Знал, что у неё не получается.

Знал, что она устала.

Он повторял себе, что это всего лишь наблюдение. Что он смотрит на тысячи людей. Что чужие привычки ничего не значат.

Но раньше он не запоминал их.

Сегодня он увидел больше. Не то, что она делала, а то, как оставалась одна после того, как все дела были закончены. Как смотрела в пустоту. Как шептала что-то себе под нос — и сама себе не верила.

Внутри него что-то дрогнуло.

Не жалость. Не любопытство. Он знал эти чувства — или, по крайней мере, помнил их названия.

Это было что-то другое. Будто в пустоте, которую он считал вечной, шевельнулось крошечное живое существо. Слабое. Тёплое. Неуместное.

Он отдёрнул руку от зеркала.

Изображение дрогнуло, но не исчезло. Девушка по-прежнему стояла у окна. Она что-то сказала — беззвучно для него. Потом погасила свет.

Комната погрузилась во тьму, и стекло снова отразило его лицо.

Он долго не двигался.

Ночь прошла незаметно. За окнами дома медленно менялся цвет неба — от чёрного к ржаво-красному. Карион так и не лёг. Он сидел напротив зеркала, пока в нём отражалась только его собственная неподвижная фигура.

Утром он снова надел чёрный костюм. Проверил, застёгнут ли воротник, стряхнул с рукава невидимую пылинку и сунул руку в карман.

Там лежал новый конверт.

Он посмотрел на него, но не стал сразу открывать.

Потом поднял глаза на зеркало. На этот раз оно показывало только его самого.

— Не выдумывай, — произнёс он.

Голос прозвучал в пустой комнате чужим.

Он взял конверт и вышел.

Глава третья

Когда он вошёл в зал, бесы уже заняли свои места. Все ждали его.

Было тихо — тише обычного. Ни шороха, ни возни, ни привычного цоканья копыт по камню. Даже те, кто обычно не мог усидеть на месте, замерли с инструментами на коленях. Они чувствовали, что он идёт, и боялись первыми нарушить тишину.

Он привычным движением зажёл свечи.

Зал залился рваным огненным светом. Тени метнулись по стенам, вытянулись, задрожали — и снова сжались в углах, будто пытались спрятаться от его взгляда.

Тогда он заметил ударника.

Тот сидел, низко опустив голову, и не поднимал глаз. Из-под его копыт по камню растекалась тёмная лужица. Кровь уже успела загустеть по краям, но всё ещё сочилась из раны — медленно, капля за каплей.

На морде зияла дыра.

Там, где ещё вчера была щека, теперь чернел рваный багровый провал — след яростного, голодного укуса. Зубы нападавшего вырвали плоть с корнем, оставив клочья кожи и разорванные мышцы. Они мелко подёргивались, словно тело всё ещё пыталось понять, что с ним сделали.

Сквозь кровоточащую рану проступали белые кости челюсти. При каждом судорожном вдохе из пробитой полости вырывался хриплый свист. Кровь собиралась на рваных краях и пузырилась, когда бес пытался дышать.

Несколько музыкантов отвели глаза. Один смотрел на раненого не мигая. Слишком внимательно — почти с любопытством.

Дирижёр перевёл взгляд на ударника.

— Кто?

Никто не ответил.

В задних рядах тихо стукнуло копыто. Один раз. Потом ещё. Звук оборвался, будто виновник сам испугался собственной смелости.

Дирижёр и так знал.

Сосед раненого сидел чуть в стороне — тот самый, что

затеял вчера драку. Он тщательно изучал свой инструмент и не поднимал головы. Делал это слишком старательно.

— Я спросил, кто, — повторил дирижёр.

Бес замер. Его пальцы стиснули барабанные палочки так, что костяшки побелели.

На мгновение в зале стало слышно, как с морды ударника падает очередная капля и ударяется о камень.

Дирижёр мог заставить виновника заговорить. Мог одним щелчком пальцев опустить его на колени, вывернуть ему руки или приковать к полу, пока остальные смотрят. Он мог устроить разборательство прямо здесь.

Но сегодня ему не хотелось разбираться ни с кем.

Он достал конверт.

Бумага тихо хрустнула в его пальцах. Карион вынул бланк и пробежал глазами по списку, задерживаясь на каждом имени. За долгие века он научился читать их без выражения. Имя — всего лишь знак. Человеческая жизнь — всего лишь срок, который подошёл к концу.

Он сложил лист и положил на пульт.

— Начинайте.

Палочка взмыла вверх.

В глубине безмолвного зала родилась мрачная симфония. Сначала — один низкий, тянущийся звук, будто где-то под землёй открылась тяжёлая дверь. За ним потянулись другие ноты: медленные, вязкие, одна за другой. Музыка расплзалась по залу, как ночной туман, и с каждым тактом становилась

лась плотнее.

Она не просто звучала. Она давила на грудь, оседала на языке горьким привкусом, пробиралась под кожу предчувствием чего-то уже решённого.

Бесы играли, и их лица менялись. Злоба и жадность уходили, уступая место пустой сосредоточенности. Их руки двигались слаженно, подчиняясь взмахам дирижёра. Ни один не сбивался.

Только ударник не поднимал головы.

Его палочки лежали рядом. Рана на морде раскрывалась и сжималась в такт его дыханию. Кровь капала на пол, будто тоже следовала ритму музыки.

Дирижёр смотрел на него лишь краем глаза. Он не мог позволить себе сбиться. Ни ради раненого. Ни ради того, кто сидел в стороне и ждал, что ему всё сойдёт с рук.

Последний аккорд затих.

Ещё несколько секунд звук дрожал под сводами, хотя бесы уже опустили инструменты. Потом музыка исчезла, и зал снова наполнился тишиной — на этот раз тяжёлой, пропахшей воском и кровью.

Карион убрал список в карман и поспешил домой.

Он не стал задерживаться ни в коридорах, ни на ступенях. За спиной бесы заговорили шёпотом, но он не обернулся. Ему хотелось скорее добраться до зеркала.

Сняв костюм, он сразу приложил ладонь к стеклу. Зеркало отозвалось слабым теплом. Он знал, на что смотреть. Пе-

ребировать изображения не приходилось.

Она стояла у окна.

Окно было открыто. Ночь выдалась тёплой — или ей было всё равно. Девушка держалась за подоконник обеими руками и смотрела вниз.

Во дворе горел фонарь. Пустая скамейка. Тёмная дорожка. Ни души.

Она стояла неподвижно. Только плечи были чуть опущены — так опускают плечи, когда устают не телом, а чем-то глубже.

Потом она подняла голову и посмотрела на небо. Долго. Так смотрят, когда ничего не ждут. Просто смотрят, потому что больше некуда смотреть.

Он не мог отвести глаз.

Её лицо было не таким, как обычно. Обычно оно жило: она хмурилась, улыбалась, говорила. Сейчас в нём не было ни злости, ни грусти. Только пустота. Будто всё, что жило внутри, вдруг исчезло, а она осталась ждать, когда это вернётся.

Девушка отпустила подоконник и опустилась на пол. Прислонилась спиной к стене, подтянула колени к груди, обхватила их руками.

Потом закрыла глаза.

Карион не двигался.

Он смотрел, а внутри снова шевельнулось то странное, тёплое чувство. Теперь оно не казалось крошечным. Оно тя-

нулось к ней, протискивалось сквозь него — из глубины, куда он не заглядывал много веков.

Что-то, что было в нём ещё до того, как он стал тем, кем стал.

Что-то, что он считал умершим.

Он поднял руку. Ладонь легла на зеркало. Между ними было стекло — тонкое, прозрачное, непреодолимое. Карион прижал пальцы сильнее, словно мог продавить эту границу одной лишь волей.

Стекло не поддалось.

Девушка сидела на полу с закрытыми глазами. Он стоял в темноте напротив зеркала и смотрел на неё, не чувствуя ни холода в ладони, ни тяжести собственного тела.

Она открыла глаза и посмотрела в потолок.

Её губы шевельнулись.

Он наклонился ближе, но слов не разобрал. Может быть, не расслышал. Может быть, не понял.

Потом она медленно поднялась. Подошла к окну и закрыла его. Задёрнула штору.

Её силуэт исчез.

В зеркале снова проступило отражение дирижёра — бледное лицо, тёмные глаза, неподвижный рот. Он убрал руку.

И понял: отныне просто смотреть уже не получится.

Глава четвёртая

Так проходили месяцы.

Абаддон-холл. Дом. Зеркало.

Работа, дорога, зеркало. Работа, дорога, зеркало — словно маятник, которому забыли сообщить, что его можно остановить. Словно дыхание: вдох, выдох, и снова то же самое. Всё происходило без выбора, пока однажды он не заметил, что ждёт вечера.

Он следил за ней в дни рождения. Не как гость — как тень за окном, как взгляд, который она никогда не замечала. Видел, как к ней приходят друзья, как они снимают пальто, смеются, протягивают подарки. Знал их по именам и лицам. Знал, кого она обнимала крепче, с кем смеялась громче, а с кем вежливо улыбалась, поглядывая на часы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.